

УДК 343.01

DOI 10.52452/19931778_2022_6_161

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ И НОРМАТИВНОЙ ЗАКРЕПЛЕННОСТИ ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ

© 2022 г.

С.С. Тихонова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

sstikhonova@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.10.2022

Настоящая статья посвящена оценке причин ненадлежащего юридико-технического качества вторичных (текущих) уголовных законов. Автор выявляет рассогласованность общетеоретического и отраслевого понимания состава и содержания юридико-технического инструментария, необходимого для обеспечения данного качества, и приходит к выводу о насущной потребности в его упорядочении и нормативном закреплении на федеральном уровне с учетом решений Конституционного Суда РФ.

Ключевые слова: качество закона, Конституционный Суд, правовая культура, принцип, уголовный кодекс, юридическая техника.

Определение понятия *юридической техники* впервые было дано в работах Р. Иеринга в XIX в. в рамках доктрины формально-юридического анализа формы и структуры права [1, с. 3]. С тех пор юридическая техника стала самостоятельной отраслью знаний в России и странах континентальной Европы. Рассматривая современное понятие юридической техники, необходимо выделить два основных подхода к его определению: *деятельностный (коммуникационный) и документарный (документационный)* [2, с. 243].

Сторонниками деятельностного подхода юридическая техника определяется как техника коммуникации в юридической среде, посредством которой «обеспечивается связь между гражданами, социальными слоями населения, гражданским обществом в целом, и государством в лице его правотворческих и правоприменительных органов» [3, с. 9]. Социально-правовое назначение юридической техники при таком подходе – перевод социальных потребностей на язык права, как за счет создания юридических документов, так и при внедокументарном юридическом общении.

Сторонниками документарного подхода считается, что юридическая техника возникла исторически одновременно с писаным правом, а ее социально-правовое назначение – разработка исключительно документарных форм правовой регламентации. Таким образом, юридическая техника не мыслится вне *юридического документа* и определяется как «совокупность» или «система» различных типов юридико-технических инструментов (перечень которых дается авторами вариативно, о чем будет сказано ниже), используемых для составления и оформления юридических документов различного вида.

Наиболее полное определение юридической техники в рамках документарного подхода – отражение всех самостоятельных (стержневых) форм ее реализации, предусматривающих создание всевозможных видов юридических документов: правотворческая (нормотворческая), право-реализационная, правоприменительная, правоинтерпретационная и правосистематизационная техники [4, с. 82, 86].

При фокусировании внимания авторов только на *нормативно-правовых актах* юридическая техника отождествляется с правотворческой (нормотворческой) техникой [5, с. 76]. В зависимости от вида нормативно-правовых актов в соответствии с их существующей иерархической структурой в правотворческой технике можно выделять *технику международных актов, законотворческую (законодательную) и подзаконотворческую*, при этом каждая из них может быть классифицирована по субъекту правотворчества (нормотворчества). Встречающееся в отечественной правовой науке отождествление правотворческой (нормотворческой) и законотворческой (законодательной) техники [6, с. 313] является логически неверным, поскольку это – разнопорядковые категории, соотносящиеся между собой как целое и часть. Тем не менее, по мнению Г.И. Муромцева, подобное отождествление вполне допустимо, но с оговоркой, что речь идет об «узком» подходе [7, с. 31].

Ряд авторов, определяя понятие юридической техники, фокусирует свое внимание на правотворческой (нормотворческой) и правосистематизационной формах ее реализации, рассматривая юридическую технику как совокупность определенных юридико-технических ин-

струментов, используемых для «разработки, оформления и систематизации» нормативно-правовых актов [8, с. 186].

Более широкий подход к определению понятия юридической техники по сравнению с вышеуказанным – включение в нее наряду с правотворческой (нормотворческой) и правосистематизационной техниками также правоприменительной и правоинтерпретационной техники, т.е. рассмотрение ее как совокупности определенных юридико-технических инструментов, используемых для выработки (разработки), оформления, принятия, опубликования, применения, толкования и систематизации «наиболее совершенных по форме и содержанию нормативных правовых актов и других юридических документов» [9, с. 161].

Ряд ученых опускает из определения понятия юридической техники правоинтерпретационную технику, фокусируя внимание на правотворчестве, правоприменении, правореализации и правосистематизации [10, с. 189]. Другие, напротив, опускают из определения понятия юридической техники правосистематизационную технику (утверждая, что она является составляющей правотворческой деятельности [11, с. 67, 69]), фокусируя внимание только на правотворчестве, правоприменении и правоинтерпретации, а также правореализации [12, с. 141–142] (в работах С.С. Алексеева наблюдается объединение правореализационной и правоприменительной техники в *технику индивидуальных актов* [13, с. 139]).

В действительности, «юридическая техника присутствует практически во всех видах правовой практики» [14, с. 4], равно как и юридическая технология. Несмотря на продолжающуюся на страницах печати общетеоретическую дискуссию о целесообразности замены устоявшегося терминологического сочетания «юридическая техника» на терминологическое сочетание «юридическая технология», мы будем исходить из следующего соотношения юридической техники и юридической технологии: первая определяет набор юридико-технических инструментов, необходимых для создания юридического документа определенного вида, вторая – последовательность операций по использованию данных инструментов [15, с. 9]. Кроме того, мы сфокусируем внимание на юридико-техническом инструментарии только одного из отраслевых подвидов одной из форм реализации юридической техники – *уголовной законотворческой технике*.

В романо-германской правовой системе, к которой исторически относится Россия, развитие законодательства шло в направлении построения

его логически цельной системы – кодификации законодательного массива [16, с. 36], т.е. создания отраслевых кодексов (от лат. *codex* – собрание законов) – законодательных актов, объединяющих в строго определенной последовательности множество нормативно-правовых предписаний и содержащих в систематизированном виде всю или основную массу правовых норм, регулирующих определенную сферу общественных отношений. Современным кодифицированным законодательным источником уголовного права России, т.е. *первичным (базовым) уголовным законом* является **Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г.** (далее – УК РФ), обращаясь к оценкам которого мы встречаем в печати многочисленные стандартные обвинения в «низком качестве юридической техники уголовного закона» [17, с. 236–237], в «большом количестве дефектов при технико-юридическом конструировании норм уголовного законодательства» [18, с. 626], именуемом «дефектным правотворчеством» [19, с. 17], в неоправданной сложности и многозначности уголовно-правовых предписаний, «туманящих» смысл того или иного уголовно-правового запрета и влекущих непонимание законодательных конструкций адресатами [20, с. 299]. Коллегами отмечается, что «качественные упущения в формулировании норм права влекут снижение эффективности правоприменения, затруднения в системном толковании норм права и иные негативные последствия, в том числе возникновение ситуации правовой неопределенности, возможно, даже пробельности в правовом регулировании» [21, с. 13]. И, поскольку уголовная законотворческая техника с принятием первого уголовного закона, изменившего первичный текст УК РФ (Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 77-ФЗ «О дополнении Уголовного кодекса Российской Федерации статьей 215.1»), связана с организацией нормативно-правового материала в границах уже имеющегося кодифицированного акта, в последние десятилетия речь идет о недостаточном юридико-техническом качестве именно *вторичного (текущего) уголовного законотворчества*, влияющем на качество УК РФ в целом. В чем же причина недостаточного юридико-технического качества вторичных (текущих) уголовных законов?

Для ответа на данный вопрос в первую очередь необходимо рассмотрение терминологического аппарата уголовной законотворческой техники, каковое невозможно в отрыве от общетеоретического «понятийного каркаса» теории законотворческой техники. Однако при обращении к последнему можно обнаружить, что перечень *типов юридико-технических инстру-*

ментов представлен в работах отечественных теоретиков достаточно вариативно: юридико-технические средства, способы, методы, приемы [22, с. 171]; юридико-технические средства, приемы [13, с. 139]; юридико-технические средства, приемы, правила [9, с. 161]; юридико-технические средства, правила [23, с. 32]; юридико-технические способы, приемы, правила [24, с. 453]; юридико-технические методы, приемы, правила, принципы [25, с. 6] и т.д. Различается и понимание учеными одноименных типов юридико-технических инструментов. При этом в ряде работ встречается фиксация внимания коллег лишь на одном типе юридико-технических инструментов – на «правилах ведения юридической работы» [4, с. 18], на юридико-технических методах [26, с. 93, 97–118], а сами юридико-технические инструменты именуются «категориями» [27, с. 445–456].

Цель использования юридико-технического инструментария законотворческой техники в отечественной общетеоретической науке также однозначно не определена. Согласно одной позиции целью выступает обеспечение совершенства законодательных актов [9, с. 161; 28, с. 33]. Данная формулировка цели вызывает критическое отношение представителей отраслевой науки, указывающих на ее утопичность и отмечающих, что несовершенство любого законодательства является объективно неизбежным, поскольку закон – «всего лишь плод «рукотворной» деятельности человека, не лишенного субъективных пристрастий политического, идеологического, нравственного и т. д. характера» [20, с. 296]. Несколько иная формулировка цели использования юридико-технического инструментария законотворческой техники – создание законодательных актов, «оптимальных по форме и структуре» [24, с. 453]. Последователи данной позиции встречаются и среди представителей уголовно-правовой науки [29, с. 57, 144]. Следуя данной позиции, можно прийти к выводу о том, что законодательный акт может быть несовершенным, но тем не менее оптимальным «по форме и структуре». Однако каковы критерии данной оптимальности, насколько они объективны, и достижимы ли они – вопрос, остающийся открытым. Не большую степень ясности вносит и третий вариант формулировки цели использования юридико-технического инструментария законотворческой техники – «подготовка качественных нормативных документов» [21, с. 12]. Следуя данной позиции, можно прийти к выводу о том, что законодательный акт может быть несовершенным, но тем не менее вполне качественным. Перечисляя данные качества, коллеги указывают на «точ-

ность и ясность, удобство в использовании» [30, с. 207], «ясность, понятность и эффективность» [8, с. 186] и т.п. создаваемых законодательных актов. Однако в соответствующих перечислениях наблюдается определенное смешение качеств документа и юридико-технических инструментов, с помощью которых данные качества достигаются. Так, если «удобство в использовании» и «эффективность» можно признать качествами законодательных актов, то «понятность», «точность» и «ясность» выступают языковыми юридико-техническими инструментами.

Отсутствие в общетеоретических работах единообразия в описании содержания типов одноименных юридико-технических инструментов, в определении их универсального набора, необходимого для создания законодательного акта, а также в постановке цели их использования, открыто признаваемое в работах российских ученых [31, с. 140, 143], транслируется на отрасли права. В этой связи аналогичные проблемы мы видим в теории уголовной законотворческой техники. Во-первых, это проблема вариативности перечней типов юридико-технических инструментов: юридико-технические средства, приемы, правила [32, с. 31]; юридико-технические средства, методы, приемы, правила [33, с. 106]; юридико-технические средства, приемы, правила, принципы [34, с. 53, 55, 75, 95–98]; юридико-технические средства, приемы, правила, методики [29, с. 57, 144] и т.д. В ряде отраслевых работ, как и в работах по общей теории права, встречается фиксация внимания ученых лишь на одном типе юридико-технических инструментов – юридико-технических «положениях» [35, с. 64] или «условиях законодательной техники» [36, с. 47]. Во-вторых, это проблема отсутствия единообразия в понимании содержания соответствующих типов юридико-технических инструментов даже при сходстве их наименования. В-третьих, это проблема отсутствия целеполагания в применении юридико-технического инструментария.

Соглашаясь с тем, что «для качественного улучшения уголовного законодательства необходима продуманная законотворческая деятельность» [36, с. 46], нельзя не отметить, что она практически невозможна при сохранении неопределенности юридико-технического инструментария и целей его применения. Действительно, «отсутствие четкого представления о законодательной технике объективно мешает исследователям делать продуктивные предложения, направленные на совершенствование законодательства, в том числе криминального цикла» [37, с. 4]. Поэтому переходить к «со-

вершенствованию механизма... создания или реконструирования» [18, с. 626] уголовных законов можно, только разрешив вышеперечисленные проблемы («если нет ясности, последовательности и согласия в теории... то... сложно (если вообще возможно) ожидать, что такая ясность будет в сознании акторов практических действий» [38, с. 44]).

Анализ общетеоретической и отраслевой литературы позволяет предложить следующий **базовый тезаурус** с распределением типов юридико-технических инструментов, используемых при создании вторичных (текущих) уголовных законов, на 2 группы – *императивные (обязательные)* и *диспозитивные (факультативные)*.

Опираясь на понимание «средства» как орудия, предназначенного для осуществления какого-либо вида деятельности, *юридико-техническое средство* уголовной законотворческой техники можно определить как специфическое орудие, используемое при создании текста вторичного (текущего) уголовного закона. Определенный порядок использования юридико-технического средства в тексте вторичного (текущего) уголовного закона можно именовать *юридико-техническим способом* или *методом* (при этом следует помнить, что в ряде работ отечественных теоретиков «порядок» и «способ» разделяются [39, с. 281]). Из предлагаемых юридико-технической наукой юридико-технических способов (методов) при создании вторичных (текущих) уголовных законов субъект законотворчества может выбирать любой (исходя из представлений об удобстве пользования законодательным текстом, его коммуникативной эффективности и т.д.). Однако в результате апробации различных юридико-технических способов (методов) в уголовной законотворческой практике можно определить наиболее оптимальный из них, закрепив за соответствующим юридико-техническим способом (методом) статус *юридико-технической рекомендации* – диспозитивного норматива создания законодательного текста либо *юридико-технического требования* – императивного норматива создания законодательного текста, система каковых образует *юридико-техническое правило*. Юридико-технические инструмент высшего уровня – это *юридико-технический принцип*, т.е. руководящая юридико-техническая идея, назначение которой в уголовно-правовой сфере – ориентир для принятия субъектом законотворчества решения о выборе при создании вторичных (текущих) уголовных законов юридико-технических средств, способов (методов) и рекомендаций, а также перевода рекомендаций в статус императивных нормативов – требований и правил.

Система юридико-технического инструментария вторичного (текущего) уголовного законотворчества развивается в единстве и борьбе двух универсальных (общих), т.е. имеющих межотраслевое значение, юридико-технических принципов («базовых принципов техники правотворчества» [19, с. 16, 26]) – *количественного упрощения права* и *формальной определенности закона*.

Универсальный юридико-технический принцип количественного упрощения права был сформулирован Р. Иерингом еще в XIX в.: «чем меньше правового материала, тем легче им пользоваться». В отечественной правовой науке данный принцип встречается под различными наименованиями – «принцип минимизации текста акта», «принцип максимальной (оптимальной) экономичности (экономии, емкости, лаконичности, компактности) текста закона» [24, с. 457; 40, с. 243–253].

Универсальный юридико-технический принцип формальной определенности закона описан в решениях Конституционного Суда РФ, пусть и несколько непоследовательно.

Так, например, в **Постановлении Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. №8-П** «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» «определенность» упоминается в двух значениях – принцип и требование. В п.1 данного документа мы встречаем указание на «принцип формальной определенности закона», который предполагает «точность и ясность законодательных предписаний» и «выступает... в законотворческой... деятельности в качестве необходимой гарантии обеспечения эффективной защиты от произвольных преследования, осуждения и наказания». Из данных развернутых объяснений становится понятно, что *принцип формальной определенности закона* непосредственно связан с созданием законодательных текстов, соответственно, может быть рассмотрен как юридико-технический. Однако в п. 5 Конституционный Суд РФ использует уже иную терминологию, говоря не о «принципе формальной определенности закона», а об «обращенном к законодателю требовании определенности... правовых норм», подчеркивая в п. 5.1, что «особую значимость» данное требование приобретает «применительно к уголовному законодательству, являющемуся по своей правовой природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений».

В **Постановлении Конституционного Суда РФ от 13 июля 2010 г. №15-П** «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова» последовательно говорится не только о «требовании определенности правовых норм», но и о «принципе формальной определенности закона», выступающем «неотъемлемым элементом верховенства права» (п. 2), «необходимым условием привлечения к юридической ответственности» (п. 3.4).

В п. 5.1 **Постановления Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. №20-П** «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 88 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова» вместо «принципа формальной определенности закона» мы видим «принцип правовой определенности», который трактуется следующим образом: «выступает одним из основных признаков верховенства права, включает в себя требования разумности правового регулирования и стабильности правопорядка, устойчивости сложившейся системы правоотношений и конституционно-правовая значимость которого неоднократно подтверждена Конституционным Судом Российской Федерации». Из данных развернутых объяснений становится понятно, что *принцип правовой определенности* в отличие от *принципа формальной определенности закона* имеет содержание, выходящее далеко за пределы законотворческой техники, сводящейся к инструментарию создания законодательных текстов.

Данный вывод подтверждается и п. 2 **Постановления Конституционного Суда РФ от 17 июня 2014 г. №18-П** «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной», п. 2 **Постановления Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. №32-П** «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Са-

лехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» и п. 2 **Постановления Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. №22-П** «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева», где о «принципе правовой определенности» говорится как об «имеющем универсальное значение» и «по своей сути относящемся к основам конституционного правопорядка». В последнем документе дополнительно уточняется, что данный принцип обязывает законодателя «формулировать уголовно-правовые предписания с достаточной степенью четкости, позволяющей лицу соотносить с ними свое поведение – как дозволенное, так и запрещенное – и предвидеть вызываемые им последствия».

В то же время нельзя не отметить, что в п. 2 **Постановления Конституционного Суда РФ от 17 июня 2014 г. №18-П** «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной» и в п. 2 **Постановления Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. №22-П** «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева» отдельно упоминаются:

(1) «требование формальной определенности закона, предполагающее точность и ясность правовых предписаний» / «требование формальной определенности уголовного закона... подразумевающего ясное и четкое определение признаков преступления»;

(2) «требование определенности правовых норм», приобретающее, как отмечалось и в ряде предшествующих постановлений Конституционного Суда РФ, «особую значимость применительно к уголовному законодательству, являющемуся по своей правовой природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений», в силу чего «любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе».

Подобный терминологический разнобой, наблюдающийся в решениях Конституционного Суда РФ, имеет своих сторонников, отмечающих, что «значения, придаваемые правовой определенности, не являются застывшими, конкретизируются и эволюционируют в практике

Конституционного Суда РФ» [41, с. 11]. Однако сложно назвать «эволюцией» использование в одном документе сразу нескольких вариантов терминологии, в состав которой включается указание на «определенность». Возможно из-за этого, несмотря на наличие решений Конституционного Суда РФ, в научных работах *принцип формальной определенности закона* встречается под различными наименованиями. Так, В.М. Баранов, указывая в качестве «базового принципа техники правотворчества» принцип, согласно которому «содержание любого государственного решения подлежит не любому, а строго определенному адекватному правовому оформлению», именуется его «принципом содержательности» [19, с. 16, 26]. Другие ученые – «принципом максимализации нормативного содержания акта», «принципом максимальной законодательной урегулированности». Применительно к уголовно-правовой сфере в интерпретации Н.С. Таганцева данный принцип именовался «принципом определенности изложения уголовно-правового материала» [42, с. 1].

Известно, что в зависимости от функционального назначения юридико-технические инструменты классифицируются в общей теории права по группам – элементам законотворческой техники. Так, Н.А. Власенко выделяет языковую, грамматическую, логическую и графическую основы законодательного текста [43, с. 16–17]. Но, во-первых, как справедливо отмечает М.Б. Кострова, «выведение грамматики за пределы языковой системы является методологической неточностью» [44, с. 98]. Во-вторых, в данной классификации не выделены как минимум нормативно-структурные юридико-технические инструменты создания законодательного текста. Определения законотворческой (законодательной) техники, построенные путем перечисления функциональных групп юридико-технических инструментов, но не дающие их полного перечня (например, «совокупность методов придания законопроекту оптимальной языковой формы, логической структуры и достижения научной истинности его содержания, а также практическая деятельность по их использованию» [26, с. 93, 97–118]), следует признать не вполне корректными. Наиболее полной является классификация юридико-технических инструментов, предложенная Ю.А. Тихомировым, включающая в себя следующий перечень элементов законотворческой техники: (1) нормативно-структурный, (2) документально-технический, (3) языковой, (4) логический, (5) познавательно-юридический (содержательный) и (6) процедурный [45, с. 12–13].

По словам Д.М. Степаненко, в процессе эволюционного развития «одни элементы соответ-

ствующей юридической техники призваны уступать место другим, обеспечивая в конечном итоге более полное и эффективное достижение цели инновационной функции государства» [24, с. 453]. Однако представляется, что, говоря об «элементах», Д.М. Степаненко в действительности имел в виду конкретные юридико-технические инструменты, а не их функциональные группы.

Функциональное назначение императивного юридико-технического инструмента, который был проигнорирован в процессе вторичного (текущего) уголовного законотворчества, позволяет классифицировать соответствующие юридико-технические ошибки на нормативно-структурные, документально-технические, языковые и т.д.

Однако следует заметить, что классификация юридико-технических инструментов по названным элементам, а следовательно, и классификация юридико-технических ошибок, является достаточно условной. Особенно это заметно на юридико-технических инструментах, распределяемых по языковому и логическому элементам законотворческой техники. Тем не менее «в сугубо научных целях, для обозначения двух граней единой логико-языковой феноменологии законодательного текста возможно операциональное разделение его логической и языковой составляющей» [44, с. 100]. Кроме того, следует учесть, что распределение юридико-технических инструментов по отдельным функциональным группам возможно только в отношении таких юридико-технических инструментов, как юридико-технические средства, методы (способы), рекомендации, требования и правила. Функциональное назначение юридико-технических принципов не может быть сужено до уровня определенного элемента законотворческой техники.

Указание в качестве принципа создания текста закона *понятийно-терминологической определенности* [40, с. 60] является, скорее, приложением *принципа формальной определенности закона* к языковому элементу законотворческой техники. Точно так же, как *бланкетная определенность* [46, с. 13] является приложением *принципа формальной определенности закона* к нормативно-структурному элементу законотворческой техники в части использования такого юридико-технического средства, как *правовая отсылка*. Однако, как уже отмечалось выше, юридико-технические принципы не относятся к какой-либо одной функциональной группе юридико-технических инструментов (элементу законотворческой техники). В отношении *принципа формальной определенности закона* это

наглядно продемонстрировано в п. 4 **Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2003 г. №9-П** «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишникова, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова» и п. 2 **Постановления Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. №22-П** «По делу о проверке конституционности положения статьи 225.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева», где сказано, что «оценка степени определенности содержащихся в законе понятий должна осуществляться исходя не только из самого текста закона, используемых формулировок, но и из их места в системе нормативных предписаний». Таким образом, *принцип формальной определенности закона* проявляется как в языковом, так и в нормативно-структурном юридико-техническом инструментарии.

К сожалению, по большей части владение юридико-техническим инструментарием в настоящее время базируется на уровне правовой культуры субъектов законотворчества («техничко-юридической культуре» [21, с. 10]). Однако уровень данной культуры, проявляемый при создании вторичных (текущих) уголовных законов, таков, что представителям уголовно-правовой науки приходится констатировать «игнорирование» или «незнание» соответствующих юридико-технических инструментов, в первую очередь – императивных, которое «отражается на качественной характеристике закона, порождает противоречивость, неоднозначность его норм, снижает эффективность результатов правотворчества» [36, с. 46].

Нравственная ответственность субъектов законотворчества, существующая в настоящее время, не приносит ощутимого эффекта. В этой связи, не дожидаясь, «когда законотворческая деятельность будет отвечать самым высоким стандартам правовой культуры» [47, с. 24], следует предпринимать шаги как по описанию юридико-технического инструментария в нормативных документах, регламентирующих законотворческий процесс, так и по введению ответственности за игнорирование императивного юридико-технического инструментария в законотворческой практике.

Так, в науке известно предложение принять *Свод правил законодательной техники* [36, с. 45]. По мнению Ю.А. Тихомирова, правила законодательной техники следовало бы утвердить поста-

новлением Правительства РФ [48, с. 115–116]. Однако более целесообразным представляется закрепление юридико-технических требований, правил и принципов на уровне федерального закона. Соответствующую задачу в свое время должен был выполнить *проект федерального закона № 96700088-2 «О нормативных правовых актах Российской Федерации» от 02 июня 1996 г.* (субъект права законодательной инициативы – группа депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации), однако 12 мая 2004 г. он был снят с рассмотрения Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Тем не менее в 2021 г. группой ученых *Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ* (Н.А. Власенко, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева и др.) подготовлен очередной инициативный проект Федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации» (далее – *Инициативный проект*), глава 5 которого «Оформление нормативно-правовых актов. Правила юридической техники» призвана раскрыть именно содержание юридико-технических требований, правил и принципов [49, с. 44–48] (нужно ли принимать вместо *Инициативного проекта «Кодекс о формах права в Российской Федерации»* [6, с. 101] – вопрос, требующий дополнительного обсуждения).

В целом, поддерживая идею разработчиков *Инициативного проекта*, следует обратить внимание на определенные содержательные недостатки указанной главы, допущенные его разработчиками, требующие своевременного исправления. Во-первых, термины «требование», «правило» и «принцип» использованы как синонимические. Во-вторых, в нормативных предписаниях оказались не полностью отражены императивные юридико-технические инструменты, приводимые в правоинтерпретационных актах Конституционного Суда РФ. В-третьих, не проверена применимость отдельных указанных в данном документе юридико-технических инструментов к уголовному законодательству, и сам юридико-технический инструментарий представлен безотносительно к его распределению на *универсальный (общий)*, имеющий межотраслевое значение, и *отраслевой (специальный)*. Но нет сомнений в том, что нормативное закрепление систематизированного императивного юридико-технического инструментария на федеральном уровне будет способствовать повышению юридико-технической грамотности субъектов законотворческого процесса и всех иных заинтересованных лиц, а

значит – совершенствованию отраслевой законодательской практики, в т.ч. устранению недостатков качества вторичных (текущих) уголовных законов.

Список литературы

1. Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. *Юридическая техника: Учебник*. М., 2014. 536 с.
2. Тихонова С.С. Инновационный общетеоретический лекционный курс «Юридическая техника»: взгляд отраслевика. Рецензия на курс лекций «Юридическая техника» под редакцией В.М. Баранова и В.А. Толстика (М., 2013. 384 с.) // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2013. № 23. С. 242–249.
3. Поленина С.В. Юридическая техника как социальный феномен в условиях модернизации // *Государство и право*. 2011. № 9. С. 5–14.
4. Кашанина Т.В. *Юридическая техника*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2011. 496 с.
5. Бабаев В.К. *Теория современного советского права: Фрагменты лекций и схемы*. Горький: Изд-во НВШ МВД России, 1990. 156 с.
6. *Теория государства и права* / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Первалова. М.: Инфра-М-НОРМА, 1997. 570 с.
7. Муромцев Г.И. *Юридическая техника: некоторые аспекты содержания понятия* // *Проблемы юридической техники: Сб. ст.* / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород: Нижполиграф, 2000. С. 23–37.
8. Первалов В.Д. *Теория государства и права: Учебник*. М.: Высшее образование, 2005. 379 с.
9. Цыганов В.И. *Теория государства и права: Тезисы лекций*. Н. Новгород: Кириллица, 2012. 272 с.
10. Черданцев А.Ф. *Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике*. Екатеринбург, 1993. 189 с.
11. Соловьев О.Г. О видах юридической техники // *Юридическая техника*. 2008. № 2. С. 67–70.
12. Карташов В.Н. *Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность*. Саратов: Изд-во СГУ, 1989. 218 с.
13. Алексеев С.С. *Проблемы теории права: Курс лекций*. В 2 т. Свердловск: Изд-во СЮИ, 1973. Т. 2. 401 с.
14. Тенетко А.А. *Юридическая техника правоприменительных актов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. Екатеринбург, 1999. 22 с.
15. Власенко Н.А. *Законодательная технология: теория, опыт, правила: Учеб. пособие*. Иркутск: Восточно-Сиб. изд. компания, 2001. 142 с.
16. *Юридическая техника: Курс лекций* / Под ред. В.М. Баранова, В.А. Толстика. М.: ДГСК МВД России, 2012. 384 с.
17. Коробеев А.И. *Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: Монография*. М.: Юрлитинформ, 2019. 352 с.
18. Пронина М.П. *Влияние юридико-технических инноваций на уголовное законодательство* // *Юридическая техника*. 2021. № 15. С. 626–629.
19. Баранов В.М. *Норморайтер как профессия* // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2017. № 6 (119). С. 16–29.
20. *Ошибки в квалификации преступлений: Монография* / Под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М.: Изд-во РГУП, 2020. 424 с.
21. Баранова М.В., Купцова О.Б. *Технико-юридическая культура как базовая основа эффективного функционирования системы властных и невластных начал современного российского права* // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2021. № 3 (5). С. 8–16.
22. Лушников А.М. *Теория государства и права: Элементарный курс*. М.: ЭКСМО, 2009. 272 с.
23. *Юридическая техника: Учебник для вузов в 2 т.* / Под ред. В.М. Баранова. М., 2016. Т. 1. 251 с.
24. Степаненко Д.М. *Технико-юридические правотворческие средства реализации инновационной функции государства* // *Юридическая техника*. 2021. № 15. С. 451–459.
25. *Законодательная техника: Учебник* / Под ред. И.В. Рукавишниковой, И.Г. Напалковой. Ростов-н/Д, 2017. 384 с.
26. *Законодательный процесс. Понятие. Институты. Стадии: Научно-практ. пособие* / Отв. ред. Р.Ф. Васильев. М.: Юриспруденция, 2000. 320 с.
27. Чашин А.Н. *Теория государства и права: Учебник*. М.: Дело и сервис, 2008. 687 с.
28. Губаева Т.В. *Язык и право: искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА ИНФРА-М, 2010. 175 с.
29. Иванчин А.В. *Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве: Монография*. М.: Юрлитинформ, 2011. 206 с.
30. Захаров А.В. Глава 7. *Стратегия и тактика правового регулирования в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов в условиях современных глобальных экологических вызовов человечеству* // *Доктрина права: понятие, сущность, национальные особенности: Монография* / Под общ. ред. Р.В. Пузикова, Я. Зелинского. Тамбов: Изд. дом ТГУ, 2016. С. 200–219.
31. Абдулханьянов И.А. *О полисемии понятия «фикция» в языке права* // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2021. № 2 (54). С. 139–146.
32. Воскресенский К.А. *Юридическая техника: частные вопросы совершенствования уголовного закона: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08*. СПб., 2008. 209 с.
33. Миренский Б.А. *Законодательная техника и проблемы уголовного права* // *Советское государство и право*. 1986. № 12. С. 106–109.
34. Панько К.К. *Теория и практика законотворчества в уголовном праве: Монография*. М.: Юрлитинформ, 2011. 310 с.
35. Лихолетов А.А., Лихолетов Е.А. *Модернизация нормы об уголовной ответственности за хулиганство: аргументы за и против* // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2021. № 2 (57). С. 61–67.
36. Попова С.А., Грузинская Е.И. *Качество закона как элемент юридической техники (на примере*

уголовного закона) // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 5А. С. 43–50.

37. Иванчин А.В. Внутренняя и внешняя законодательная техника в структуре уголовного правотворчества: Монография. Рязань: Концепция, 2014. 183 с.

38. Понкин И.В. Общая теория прикладной аналитики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2 (54). С. 42–48.

39. Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. М., 1982. Т. 2. 360 с.

40. Законотворчество в Российской Федерации: Научно-практ. и учеб. пособие / Под ред. А.С. Пиголкина. М.: Формула права, 2000. 604 с.

41. Сидоренко А.И. Принцип правовой определенности в судебной практике: имплементация решений Европейского Суда по правам человека: Дис... канд. юрид. наук. Пермь, 2016. 183 с.

42. Таганцев Н.С. Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. юстиции в Государственном совете и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного совета. СПб.: Гос. тип., 1904. 1122 с.

43. Власенко Н.А. Язык права: Монография. Иркутск: Восточно-Сиб. кн. изд-во, 1997. 173 с.

44. Кострова М.Б. Теоретическая модель языковой формы нового Уголовного кодекса России // Lex Russica. 2015. Т. СХ. № 12. С. 87–103.

45. Тихомиров Ю.А. Юридическая техника – инструмент правотворчества и правоприменения // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 12–16.

46. Баумштейн А.Б. Концептуальные начала уголовного права России: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Курск, 2017. 54 с.

47. Лазарева Н.Ю. О некоторых проблемах ответственного уголовного законотворчества // Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации: Матер. Всерос. научно-теоретической конф., г. Ростов-на-Дону, 19 мая 2017 г.: в 2 ч. / Отв. ред. Е.В. Безручко. Ростов н/Д: Изд-во РЮИ МВД России, 2017. Ч. 2. С. 21–26.

48. Тихомиров Ю.А. О правилах законодательной техники // Журнал российского права. 1999. № 11. С. 110–116.

49. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ИЗиСП, 2021. 96 с.

LEGAL TECHNIQUE OF CRIMINAL LAW: ON THE ISSUE OF TYPOLOGY AND NORMATIVE ANCHORING OF LEGAL AND TECHNICAL TOOLS

S.S. Tikhonova

This article is devoted to the assessment of the reasons for the inadequate legal and technical quality of secondary (current) criminal laws. The author of the article reveals the inconsistency of the general theoretical and sectoral understanding of the composition and content of the legal and technical tools necessary to ensure this quality, and comes to the conclusion that there is an urgent need for its streamlining and regulatory consolidation at the federal level, taking into account the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: the quality of the law, the Constitutional Court, legal culture, principle, criminal code, legal technique.

References

1. Krasnov Yu.K., Nadvikova V.V., Shkatulla V.I. Legal technique: Textbook. M., 2014. 536 p.

2. Tikhonova S.S. Innovative general theoretical lecture course «Legal technique»: the view of an industry specialist. Review of the course of lectures «Legal Technique» edited by V.M. Baranov and V.A. Tolstik (Moscow, 2013. 384 p.) // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 23. P. 242–249.

3. Polenina S.V. Legal technique as a social phenomenon in the conditions of modernization // State and Law. 2011. № 9. P. 5–14.

4. Kashanina T.V. Legal technique. 2nd ed., reprint. and additional. M.: Infra-M, 2011. 496 p.

5. Babaev V.K. Theory of modern Soviet law: Fragments of lectures and diagrams. Gorky: Publishing House of the Nizhny Novgorod Higher School of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1990. 156 p.

6. Theory of state and law / Edited by V.M. Korelsky, V.D. Perevalov. M.: Infra-M-NORM, 1997. 570 p.

7. Muromtsev G.I. Legal technique: some aspects of the content of the concept // Problems of legal technique:

Collection of articles / Edited by V.M. Baranov. N. Novgorod: Nizhpoligraf, 2000. P. 23–37.

8. Perevalov V.D. Theory of state and law: Textbook. M.: Higher education, 2005. 379 p.

9. Tsyganov V.I. Theory of state and law: Topics of lectures. N. Novgorod: Cyrillic, 2012. 272 p.

10. Cherdantsev A.F. Logical-linguistic phenomena in law, legal science and practice. Ekaterinburg, 1993. 189 p.

11. Solovyov O.G. On the types of legal technique // Legal technique. 2008. № 2. P. 67–70.

12. Kartashov V.N. Legal activity: concept, structure, value. Saratov: Publishing House of SSU, 1989. 218 p.

13. Alekseev S.S. Problems of the theory of law: A course of lectures. In 2 vols. Sverdlovsk: Publishing House of SUI, 1973. Vol. 2. 401 p.

14. Tenetko A.A. Legal technique of law-enforcement acts: Abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Yekaterinburg, 1999. 22 p.

15. Vlasenko N.A. Legislative technology: theory, experience, rules: Textbook. Irkutsk: East Siberian Publishing Company, 2001. 142 p.

16. Legal technique: A course of lectures / Edited by V.M. Baranov, V.A. Tolstik. M.: DPSP of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. 384 p.

17. Korobeev A.I. Criminal law policy of Russia: from genesis to crisis: Monograph. M.: Yurlitinform, 2019. 352 p.
18. Pronina M.P. The influence of legal and technical innovations on criminal legislation // *Legal technique*. 2021. № 15. P. 626–629.
19. Baranov V.M. Normwriter as a profession // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2017. № 6 (119). P. 16–29.
20. Errors in the qualification of crimes: Monograph / Edited by Yu.E. Pudovochkin. M.: Publishing House of the Russian State University of Justice, 2020. 424 p.
21. Baranova M.V., Kuptsova O.B. Technical and legal culture as the basic basis for the effective functioning of the system of imperious and non-imperious principles of modern Russian law // *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021. № 3 (5). P. 8–16.
22. Lushnikov A.M. Theory of state and law: Elementary course. M.: EKSMO, 2009. 272 p.
23. Legal technique: Textbook for universities in 2 volumes / Ed. by V.M. Baranov. M., 2016. Vol. 1. 251 p.
24. Stepanenko D.M. Technical and legal law-making means of implementing the innovative function of the state // *Legal technique*. 2021. № 15. P. 451–459.
25. Legislative technique: Textbook / Ed. by I.V. Rukavishnikova, I.G. Napalkova. Rostov-on-Don, 2017. 384 p.
26. Legislative process. The concept. Institutions. Stages: Scientific and practical manual / Ed. by R.F. Vasiliev. M.: Jurisprudence, 2000. 320 p.
27. Chashin A.N. Theory of state and law: Textbook. M.: Business and Service, 2008. 687 p.
28. Gubaeva T.V. Language and law: the art of word mastery in professional legal activity. 2nd ed., reprint. and additional. M.: NORMA INFRA-M, 2010. 175 p.
29. Ivanchin A.V. Legislative technique and its role in Russian criminal lawmaking: Monograph. M.: Yurlitinform, 2011. 206 p.
30. Zakharov A.V. Chapter 7. Strategy and tactics of legal regulation in the field of environmental protection and use of natural resources in the context of modern global environmental challenges to humanity // *The doctrine of law: concept, essence, national characteristics: Monography / Under the general editorship of R.V. Puzikov, Ya. Zelinsky*. Tambov: Publishing House of TSU, 2016. P. 200–219.
31. Abdulkhannyanov I.A. On the polysemy of the concept of «fiction» in the language of law // *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021. № 2 (54). P. 139–146.
32. Voskresensky K.A. Legal technique: particular issues of improving the criminal law: Dissertation of the Candidate of Legal Sciences: 12.00.08. St. Petersburg, 2008. 209 p.
33. Mirensky B.A. Legislative technique and problems of criminal law // *Soviet state and law*. 1986. № 12. P. 106–109.
34. Panko K.K. Theory and practice of legislation in criminal law: Monograph. M.: Legal-tinform, 2011. 310 p.
35. Likholetov A.A., Likholetov E.A. Modernization of the norm on criminal liability for blasphemy: arguments for and against // *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021. № 2 (57). P. 61–67.
36. Popova S.A., Gruzinskaya E.I. The quality of law as an element of legal technique (on the example of criminal law) // *Issues of Russian and international law*. 2019. Vol. 9. № 5A. P. 43–50.
37. Ivanchin A.V. Internal and external legislative technique in the structure of criminal law-creativity: Monograph. Ryazan: Concept, 2014. 183 p.
38. Ponkin I.V. General theory of applied analytics // *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021. № 2 (54). P. 42–48.
39. Alekseev S.S. General theory of law. In 2 vol. M., 1982. Vol. 2. 360 p.
40. Lawmaking in the Russian Federation: Scientific, practical and educational manual / Ed. by A.S. Pigolkin. M.: Formula of Law, 2000. 604 p.
41. Sidorenko A.I. The principle of legal certainty in judicial practice: implementation of the decisions of the European Court of Human Rights: Dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Perm, 2016. 183 p.
42. Tagantsev N.S. Criminal Code of March 22, 1903 with the motives extracted from the explanatory note of the editorial commission, the presentation of Min. justice in the State Council and journals – a special meeting, a special presence of departments and a general meeting of the State Council. St. Petersburg: State Printing House, 1904. 1122 p.
43. Vlasenko N.A. The language of law: Monograph. Irkutsk: East Siberian Publishing Company, 1997. 173 p.
44. Kostrova M.B. Theoretical model of the linguistic form of the new Criminal Code of Russia // *Lex Russica*. 2015. V. CIX. № 12. P. 87–103.
45. Tikhomirov Yu.A. Legal technique – an instrument of law-making and law enforcement // *Legal technique*. 2007. № 1. P. 12–16.
46. Baumstein A.B. Conceptual principles of the criminal law of Russia: Abstract of the Dissertation of the Doctor of Law. Kursk, 2017. 54 p.
47. Lazareva N.Yu. On some problems of domestic criminal lawmaking // *Criminal policy of the Russian Federation: problems of formation and implementation: Mater. All-Russian Scientific and Theoretical Conference, Rostov-on-Don, May 19, 2017: at 2 part / Ed. by E.V. Bezruchko*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. Part 2. P. 21–26.
48. Tikhomirov Yu.A. On the rules of legislative technique // *Journal of Russian Law*. 1999. № 11. P. 110–116.
49. On regulatory legal acts in the Russian Federation (draft Federal Law). 6th ed., reprint. and additional. M.: Publishing House of the Institute of Legislative and Comparative Law, 2021. 96 p.